

Музыкальное обозрение. — 1992 — (2) септ. — с. 5

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО НА МАЛЕНЬКОЙ СЦЕНЕ

— Борис Александрович, что для вас сегодня Большой театр и что — Камерный?

— Большой театр с самого раннего детства вошел в мою жизнь как некий храм, таинственный и прекрасный, без которого не может существовать русский человек. Я вырос в семье учителя русской словесности, которая часто посещала Большой театр и даже некоторое время имела абонемент на 4-й ярус. С детских лет я слушал разговоры взрослых о Большом театре, споры о его спектаклях и певцах. И его первое посещение превратилось для меня в настоящий праздник.

Большой для меня не просто театр. Он для меня — явление русской культуры, жизни, независимо от того, кто работает в нем в данный момент. Это живой организм, вечно существующий и как бы отделенно от людей, как великий храм. А все остальные, кто работает в этом храме, не более чем жрецы. Жрецы могут приходить и уходить, могут жить, развиваться и умирать, а Большой театр вечен как явление культуры и некого рода таинство. Это не организация культуры, искусства, не организация театра, а духовный центр нации.

Так я всегда к нему относился. Поэтому когда Большой театр пригласил меня (я работал тогда в Горьковском театре), то воспринял я это, с одной стороны, как огромное счастье, а с другой, как я сейчас понимаю, мне показалось логичным, что я понадобился Большому театру.

Конечно, работая в Большом театре, я испытал много неприятностей — маленьких, больших и средних, принципиальных и непринципиальных, много разных работок и большую критику со стороны ведущих артистов театра, которые не хотели, чтобы я ставил Прокофьева и Шостаковича. Они всегда возражали против современной оперы. Но я все воспринимал как естественный ход нашей жизни, и даже в тот момент, когда они в конце концов собрались и выгнали меня из театра. Если бы меня тогда спросили: "Тот тяжелый период для меня негативен или позитивен?", я бы сказал, что все шло правильно, так, как должно было быть. Я сейчас скорее горжусь тем изгнанием, чем стесняюсь его. Вероятно, ощущение того, что как я не могу обойтись без Большого театра, так и Большой театр не может обойтись без своего верного слуги, у меня было всегда. Я чувствую это сердцем.

Я всегда как художник, оперный режиссер, деятель театра, не мог до конца реализовать свои творческие принципы. Поэтому, когда мне стукнуло 60 лет, я решил создать свой театр, в деятельности которого могли бы воплотиться эти прин-

ципы.

Не могу сказать, что я был уверен, что произойдет такая победа, которая в общем произошла, и я не постесняюсь сказать, не желая никого обидеть, что признание, настоящее, подлинное признание моих усилий пришло из-за рубежа.

Дело не только в том, что Камерный с успехом выступал почти во всех странах Европы, в Турции, Японии, где постоянно хвалили его спектакли, редкий репертуар, и везде отмечалась уникальная музыкально-драматическая организация театра. Я знаю — что может сделать коллектив моего театра с точки зрения музыки, не может сделать ни один театр. И это отмечаю с полной ответственностью, так как много повидал на своем веку.

Большой и Камерный — две разные веры, разные эпостаси. Но я не упрекаю себя в том, что изменяю тому или иному принципу. Я считаю, что это естественно.

Такое соединение большой и камерной оперы составляет суть моей творческой жизни и в Москве, и за рубежом. И обе они мне дороги.

— Как будет развиваться дальше ваш Камерный театр?

— В какой-то степени не я руковожу театром, а им руководит жизнь. Но она не абстрактно руководит деятельностью театра, а теми произведениями, которые приносят нам композиторы.

К сожалению, наш театр единственный способен осуществить их постановку. Но на сцене Камерного должны быть поставлены и классические сочинения. Наш зритель одинаково любит и классику, и современные спектакли. Думаю, что по этим двум направлениям и будет развиваться Московский Камерный музыкальный театр.

✓ — Есть у вас ученики? Кого вы считаете продолжателями своего дела?

— Это вопрос, на который я всегда отказываюсь отвечать. Меня часто обвиняли в том, что у меня нет учеников и обвиняли на очень высоком уровне, вплоть до ЦК партии — почему я никого не выучил, кто бы шел сразу за мной по пятам. Во-первых, я думаю, что это невозможно, да и не нужно. Ученики не должны идти по пятам. У каждого режиссера должна быть своя дорога, своя тропинка или шоссе в зависимости от таланта, от внутренней убежденности.

Моя задача, когда я раньше воспитывал режиссеров, создавать такую атмосферу, в которой их таланты могли бы развиваться в ту или другую сторону. Но каждый из учеников должен отвечать за себя. Я не люблю, когда говорят: "Мы ученики Покровского". Нет, вы назовите свою фа-

Борис Александрович Покровский

милию и своими постановками добиваетесь признания. Это мой принцип.

Я никогда никому не называл своих учителей, потому что не хочу прятаться ни за чью спину и нести ответственность. Тем более, что каждый режиссер как творческий человек должен быть свободен.

— Вы говорили об операх советских композиторов. У нас принято называть их "советскими операми". Согласны ли вы с этим определением?

— Вопрос очень любопытный. Есть замечательные оперы. Но разве можно считать оперы, написанные на тексты Толстого, Достоевского, Гоголя, советскими, разве можно сказать, что они связаны с раскрытием характера советского человека?

Думаю, что единственной советской оперой — первой и последней — будет опера Альфреда Шнитке "Жизнь с идиотом", которая создается по рассказу нашего известного писателя Виктора Ерофеева. Она посвящена противоречиям советского человека, который сейчас прекратил свое существование. Вернуться назад уже никто не сможет, даже если очень и захочет. Мы не можем идти спиной вперед — не получим. В этом отношении оперу Шнитке я и считаю первым и последним произведением, раньше она появиться не могла, а позже и тем более. Посмотрите, как интересно получается. Автор оперы Шнитке получил музыкальное образование в России в Московской консерватории, сейчас он живет в Гамбурге. Дирижер спектакля Мстислав Ростропович живет в Вашингтоне, художник будущей постановки — под Парижем, я — в Москве. Мы съезжаемся со всего мира в Амстердам, чтобы воссоздать дух нашей советской действительности определенного времени, без всякого презрения к ней и с пониманием всех ее психологических и идеологических сложностей.